

Совеседник. — 1997. — № 42. — С. 15

Именно «Республикой ШКИД» Геннадия Полоки, только что справившей тридцатилетие, ОРТ отметило в этом году День учителя. А на артековском кинофестивале Геннадий Полока был буквально носим детьми на руках — как ни странно, не только за легендарную «ШКИДУ» с Юрским, но и за «Интервенцию», и за «Одного из нас», и даже за «Возвращение броненосца», телевариант которого режиссер делает сейчас. При гигантском и общепризнанном потенциале ему дали сделать чудовищно мало. И судьба его была, елико могла. Но и он ей давал посильной сдачи, став все-таки — вместе с Мотылем, Климовым, Смирновым — классиком отечественного кино. И что самое странное — он еще хочет снимать. И ищет деньги. И даже находит.

видировать. Я уважаю своего отца за то, что он не только никогда не ругался, но и считал, что я не имею права знать о его интимной жизни — и никогда меня о моей не спрашивал. Сейчас говорят, что надо быть откровенными — не надо! Мой отец вел загульную жизнь — но он для меня оставался мужичиной, образцом мужской, человеческой порядочности. И мама. Я четыре раза был женат, и для нее это было трагедией, но она не хотела знать причины. К любовным проблемам в своих картинах я всегда подходил осторожно. Когда вы не играете в панибратство, это вызывает более органичный диалог, естественное общение — потому что вы не притворяетесь...
— Вы сняли пять картин, а задуманы были несколько десятков. Чем вы утешаетесь? Может, это поможет моим сверстникам: у нас тоже трудно сейчас с реализацией...

— И все-таки: вам сейчас что-то еще хочется делать?
— Я с удовольствием поставил бы фильм о Кибальчиче. Я даже в одной радиопостановке слышал описание повешения на Семеновском плацу — вешали убийц Александра Второго. В газетах тогда писали, что первым подставил голову Кибальчич — мало того, он скинул капюшон, которым закрывали лицо смертникам, и посмотрел на небо. Писали, что он — сын священника, что это — общение с Богом в последнюю минуту... Меня это поразило. Я хотел понять, как человек может умереть спокойно. Меня мучит проблема смерти — смерть неизбежна, это так. Если всерьез и долго думать о бессмертии, может охватить ужас бесконечности: каждый день мы с вами будем сидеть на этом самом месте и писать интервью... У меня в «Интервенции» — это не все замечают — Высо-

смешной сценарий. Там каждую ночь расстрел... Вот чем мне нравится Фрид — он написал воспоминания о Каплере, с которым десять лет прожил в лагере, и они насыщены юмором, а с другой стороны — любовью, потому что там были романы, они переписывались с этими женщинами, передавали в лопатах записки... Мы как-то в «Мемориале» это обсуждали, и молодые члены «Мемориала» стали кричать: безобразие! надругательство над памятью Шаламова!.. Я им сказал: «Не понимаю, кто сидел — вы или я?» Вот у меня и было такое трагикомическое произведение на эту тему. Оно о силе жизни. То, что там было страшно, — этого описать нельзя. В любой тюрьме, куда вы входите, есть даже не охрана — пахан. И вы можете выжить одним способом: выбить ему пальцем глаз. А другого способа нет. И нужно совершить нечто, чего нормальный человек совершить не может...
— Видите, все-таки, по-моему, свобода обо всем этом сейчас так запросто говорить стоит дороже любых денег. Лучше не снимать по финансовым причинам, чем по идеологическим.
— К сожалению, мы обрели одну свободу и потеряли другую. Хуже того, люди, у которых есть деньги, оказались более беспардонными, чем самые замшелые партocrats. Ведь как бы партocrats вас ни мучили, они хоть вежливые были, считалось, что художника надо как-то оберегать, направлять... А сейчас известных режиссеров снимают с картин. С другой стороны, что такое история Киры Муратовой: есть огромная армия людей, которая обеспечивает ей успех.

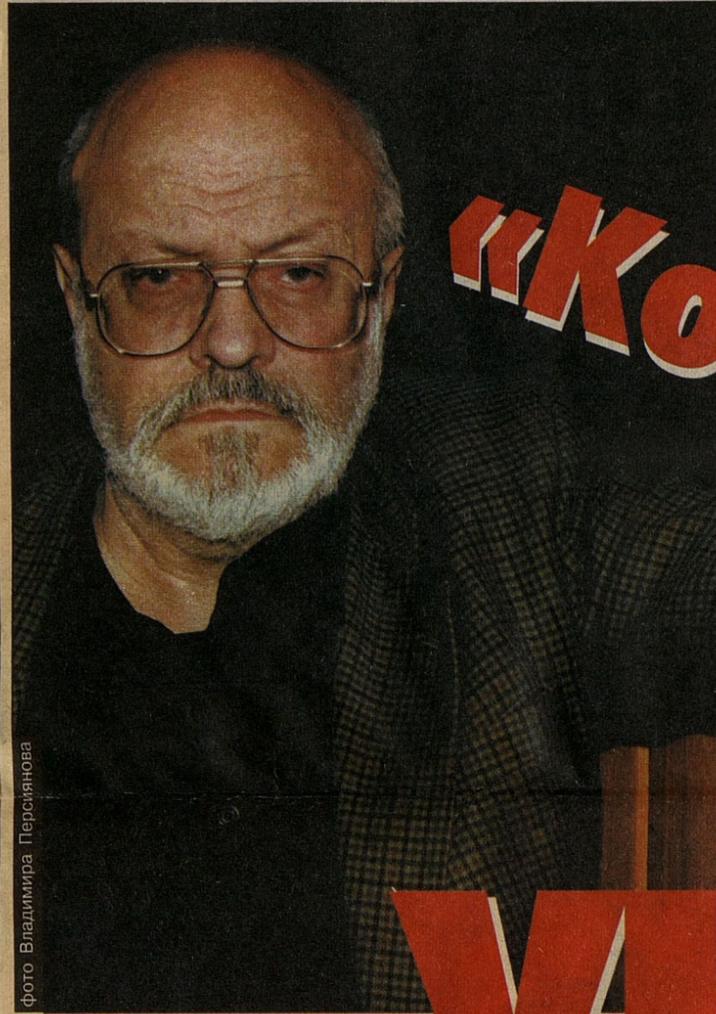

фото Владимира Персиянова

Геннадий Полока: «Конечно, у меня»

«Украли жизнь»

— По-моему, «ШКИДа» — ваш единственный фильм с нормальной прокатной судьбой. Остальные выпускали сквозь зубы.
— Прокатная судьба у него в России замечательная. Сейчас часто пишут о рекордах, установленных такими картинами, как «Белое солнце пустыни», «Республика ШКИД», — они уже никогда не будут побиты. Норма сборов в год была 12 миллионов зрителей. «Республика ШКИД» за первые десять дней проката собрала 17 миллионов, — представляете, сколько было в течение года?
С другой стороны, был успех на Западе — картина попала на первую же Неделю советских фильмов в Париж. Случайно, какой-то другой фильм забраковали французы. Фестивалей было мало, и я был невыездной; всегда вместо меня ездил Фрез и другие режиссеры, и каждый раз, приезжая, они звонили и говорили: «Блестяще прошла картина, программку привезли»...
— Она и делалась легко?
— Трудно. Но и счастливо: даже сочинение сценария заняло три недели вместо полугода. Потом была война с автором повести Пантелеевым. Я с полной ответственностью говорю, что мы его спасли, он получил гигантские деньги, а мы — гроши за то, что написали. Но я с благодарностью вспоминаю больших писателей, для которых пахал литературным негром, работал над сценариями. Моей фамилии нигде не было, но они платили половину — и были благодарны. Это противостоит, но я их вспоминаю добром.
— А на кого вы так пахали?
— Когда вы становитесь негром, даете слово молчать — и надо быть порядочным в этом смысле.
— Если у вас так хорошо шла литература, почему туда не сбежали, когда вам закрыли все пути в кино?
— Я только режиссер. Только. И сделал этот выбор в 14 лет. Хотя занимался всем: был артистом, спортивным комментатором, музы-

кантом, художником — оформлял спектакли... И все пригодились. Это сейчас молодые режиссеры умеют только командовать, сидеть за монтажным столом и так далее... А настоящий профессионализм требует универсальности.
— По фильмам вашим я предполагала, что вы чрезвычайно веселы и жизнелюбивы, а вы — при всей энергии — человек довольно мрачный. Это действительно так?
— Ну нет, я не особенно весел и кино у меня не ахти жизнерадостное. В моих картинах юмор всегда существует для того, чтобы войти в доверие к зрителю, чтобы у него не создавалось ощущения, что его будут мучить, заставлять натужно шевелить мозгами... У меня есть свои способы заставить человека естественным путем, без насилия, войти в состояние раздумья.
— Вы хоть раз видели такого педагога, как Викниксор?
— И я видел, и тогда их было множество. Но дело не в каких-то конкретных педагогических приемах. Дело в тенденции — тенденции Викниксора, который никогда в своих воспитанниках ничего не понимал. Он же, наивный человек, не догадывался, что происходило на самом деле. Я, может, совсем иначе работаю с детьми.
— И легко с ними управляется?
— Самое ужасное — это когда «я такой же, как вы». Я не такой же, как они. Есть возрастная дистанция, не нужно ее искусственно лик-

— Конечно, у меня украли жизнь. Дело не только в том, что лучшая картина — «Интервенция» — двадцать лет пролежала на полке, что мешают работать и вы превращаетесь в бомжа, потому что у нас жить вне системы страшно. Дело еще в том, что, когда ваше призвание является естественным, правильно угаданным, это как воздух, вы без него жить не можете. Тогда я хватался за любую работу, вытаскивал чужие безнадежные картины, дописывал и переправлял сценарии — под псевдонимом, потому что было решение малой коллегии: так как я — «художник, не сделавший выводов», меня вообще не нужно допускать к этой работе. Один псевдоним даже был женский, чтобы меня не нашли. Те картины, которые я переделывал, имеют благополучные судьбы. Но самое ужасное в том, что я тратил колоссальные силы на вещи, которые меня не интересовали — но это была единственная возможность реализовать себя, работать. Я был счастлив от того, что работаю.
— Скажите, а наше время вам симпатичнее шестидесятых? Все-таки никто не давит, не выгоняет из профессии...
— Я мог бы сказать, что снимать не на что, но дело не только в этом. Мы проиграли свой единственный шанс: те же люди с теми же рожами сидят на тех же местах, система самовоспроизводится и едва ли даст собой.

цкий, который играет подпольщика, все время притворяется: то донжуаном, то офицером, — живет не своей жизнью. И когда его герой попадает в тюрьму, он ощущает освобождение: там он может быть самим собой. Он умирает не героической смертью, как большевик, — нет, он уходит из жизни свободным, даже по-своему счастливым.
— Вам легко было с Высоцким?
— Трудно. А еще труднее было после картины. Он много ставил на эту роль, считал ее лучшей, — я думаю, это действительно сильная работа. И песни все он там написал, в том числе продолжение блатного шлягера для Копеляна... Вообще состав был звездный — от Копеляна до Худиева, снявшегося в эпизоде. А когда это все не вышло, Высоцкий на полгода записал. И виноват был я, потому что сделал заведомо невыпускабельную картину, единственную копию которой потом пришлось прятать. Высоцкий меня купил именно тем, что хотел играть историю актера, освобождающегося от навязанной роли только со смертью. Вот я изучал дело Кибальчича, чтобы написать сценарий. Там много гротескных эпизодов, совершенно вроде бы трагических, но временами, честное слово, получается смешно...
Побывав в руках соответствующих органов, я бы очень хотел поставить «Седьмой спутник» Лавренева — о красном терроре. Мы с моим соавтором Женей Митько написали

Внешний успех — это успех не у зрителя, потому что зрителя сейчас нет. И не у профессионалов, которые не видят картин друг друга. Это успех у журналистской узкой тусовки. А если посадить нормальных людей в зал... Я видел их реакцию на картину Муратовой — это реакция нормальных людей на психопата.
Тусовка не может определять стиль. Она может насильно художника, навязывать ему, заставлять его притворяться...
Сейчас, я думаю, пойдет тенденция появления героев-бунтарей. В каждое время в литературе и кино появляются бунтари, которые скандалят с обществом, — как у Горького был Фома Гордеев... Судя по тем заявкам и синопсисам, которые я читаю — хоть в армии действие происходит, хоть на Западе, в эмиграции, — с этой тенденцией я постоянно сталкиваюсь. Фигуры разные, но есть такое бунтарство против стабильного, цивилизованного образа жизни. Почему это есть у молодых людей, пока я не очень могу себе объяснить: даже наличие сегодня товаров в магазинах у них вызывает неприязнь — что тут плохого, я не знаю.
— И нравятся эти люди вам?
— Нравятся. Но это не мои герои. У меня герой — Дон Кихот. Человек, который воюет с мельницами, разбивает голову и всем прощает.
Беседовала Ирина ЛУКЬЯНОВА.

Полока Геннадий
10.97